сить, какого мнения Бобров о только что напечатанной рецензии, не устроить ли коллективное обсуждение. Председатель месткома толковала о плохой работе буфета. А затем разговор прервали возгласы: вторглась группа энтузиастов, ставивших молодежный спектакль — балет для детей «Доктор Айболит». В зале уже собрался художественный совет. Александру Константиновичу тоже надо быть. Он виновато развел руками: в самом деле, не быть нельзя.

Артисты А. БОБРОВ и Н. КОНОСЕВИЧ в спектакле «Вольный ветер». (Ташкент, 1946 год).

В семейном альбоме артиста немало фотографий, запечатлевших его встречи со зрителями во всех уголках Кузбасса. Сын Боброва, пятилетний Мишка, показывая снимки, авторитетно поясняет: «Вот папа на шахте. Она — коммунистического труда», «Вот папа на Запсибе», «Вот папа в колхозе»...

А я вспоминаю оживленные дебаты на совещаниях, которые Бобров как секретарь партбюро проводил перед выездами. Он волнуется в этих случаях едва ли не больше, чем перед премьерой нового спектакля. А собранность, ответственность, когда он выходит в концертном смокинге на сколоченную наспех площадку, пожалуй, еще большая, нежели в театре. Взрастившему его рабочему классу народный артист отдает все свое уважение, все силы, и зрители в спецовках очень чувствуют это. Дома у артиста множество памятных подарков от зрителей городов и сел, от общественных организаций. Прошлым летом к ним прибавился почетный знак «Ударник строительства Запсиба».

Превосходно владея собой на сцене, умея заразить тысячную аудиторию неудержимым весельем или, к примеру, постоять за интересы театра на самом ответственном заседании, Александр Константинович совершенно теряется, когда его просят сказать речь на какой-либо торжественной церемонии. И, наверно, именно поэтому, если уж он поднимается в таких случаях на трибуну, — происходит нечто трогательное. В канун 8 марта 1965 года ему сказали, что женщины Кемерова просят его прийти в день их праздника на городской вечер и сказать слово. Бобров был в смятении:

— Что я скажу? Ну, какой из меня оратор?!

Три дня он терзался сомнениями, ходил дома из угла в угол, взъерошивал волосы... А когда вышел на сцену, начал так:

— Дорогие мои! Матери, сестры, подруги! Я хочу предложить, чтобы в такие праздники не произносили длинных речей, а заявляли бы просто и прямо:

«Без женщин жить нельзя на свете — нет!

Как розам юга нужен яркий свет...»

И, продолжая этот фрагмент из «Сильвы», он с под'емом, с каким-то особенным задором, обаянием исполнил танец и ушел на свое место. Провожали его так, как редко провожают ораторов.

Глядя в разные годы на Александра Константиновича, на его неистощимую выдумку в игре, на умение словно из самой жизни выхватывать черточки своих героев, на уверенное спокойствие в острых разговорах вне сцены, я вспоминал не раз слышанные суждения, что это-де просто: «от таланта», «от земли», «от мамки», «от бога»... Но какими соками питается этот талант, который, конечно, несомненен? Почему он с годами все более ярок и насыщен? Думаю, что все сказанное выше в какой-то степени позволяет ответить на эти вопросы. Но надо сказать еще об одном — о постоянном и неизменном стремлении Боброва навстречу родной русской природе. И не в одиночку, не ради многочасовых размышлений или собеседований с самим собой. Обязательно вместе с близкими ему людьми. На охоте, на рыбалке кипит работа, звучат остроты, на ходу проверяются неожиданные задумки, а кроме того, заводятся новые и новые знакомства: в лесных сторожках, в деревнях, на берегах озер и рек. Польза от этих встреч, разговоров, путешествий неоспорима.

Он — мастер на все руки. Его видишь за ремонтом лодочного мотора или чисткой охотничьего ружья, с руками, вымазанными машинным маслом. За городом он первый заводила, если требуется натащить кучу дров, развести огромный костер, разделать дичь или рыбу, изготовить блюда повкуснее ресторанных. И все это творится с огоньком, с увлечением. В каких только не плутал он дебрях нашей Кузнецкой тайги!..

☆ ☆ ☆

И вот наступает пора, когда надо подводить определенные итоги: за плечами артиста — полвека.

— Что дальше? — спрашиваю я Александра Константиновича.

— Дальше? Вторая половина жизни! — смеется он. — Силенки еще есть. Думаю, в новых операттах тоже недостатка не будет.

Бобров говорит о книгах. Читать, читать и читать — вот устремление, занимающее его все сильнее. И на четвертом десятке лет работы в театре надо учиться. Иначе отстанешь!

У него много юных друзей, которые считают себя его учениками, и еще больше — таких, кто хотел бы ими стать. Да и родная дочь его, закончив среднюю школу, твердо решила идти по стопам отца. Артистической смене он щедро передает все, чем богат. Но держись, молодежь: у народного артиста Боброва еще много, очень много пороха в пороховницах!

Ю. БАЛАНДИН.